ЗНАЧЕНІЕ ЧУВСТВА

ВЪ

ПОЗНАНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВѢКА.

Н. Я. ГРОТА,

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Рѣчь произнесенная въ годичномъ собраніи общества 24 января 1889 г.).

Дополненное изданіе

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука. Никитскій бульваръ, собственный домъ.
1889.

2 экз.

Дозволено цензурою Москва, 24 апрѣля 1889 года

4044
24

ЗНАЧЕНІЕ ЧУВСТВА

ВЪ

ПОЗНАНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВѢКА*).

Мм. Гг., — Чувство, въ смыслѣ французскаго термина sentiment, обыкновенно противуполагается уму, мышленію, какъ нѣчто совершенно относительное, индивидуальное или, какъ часто говорятъ, субъективное. Чувствованія удовольствія и страданія, чувства радости и печали, любви и ненависти, страха и надежды, и даже эстетическія чувства красоты и безобразія, нравственныя чувства одобренія и неодобренія считаются обыкновенно недостовѣрными, условными показателями достоинствъ и недостатковъ вещей, ихъ внутренней цѣны и значенія. И потому пригодность матеріала чувствованій и чувствъ для цѣлей познанія въ наше время большею частью отрицается.

*) Рѣчь, произнесенная 24 января 1889 г. въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ годовщину его основанія

А между тѣмъ у насъ нѣтъ другихъ средствъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ, совершенствахъ и несовершенствахъ вещей и существъ, кромѣ чувствованій пріятныхъ и непріятныхъ. Мы называемъ хорошими, совершенными тѣ вещи, тѣ свойства и отношенія, которыя нравятся лично намъ или большому числу людей,— дурными тѣ, которыя возбуждаютъ въ насъ и въ другихъ людяхъ непріятныя чувства (неудовольствія, печали, гнѣва, отвращенія). Всѣ сужденія наши о *цѣнѣ* вещей составляются на основаніи чувствъ, и если признать, что всѣ чувства человѣка относительны и неустойчивы, то пришлось-бы признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы лишены средствъ для опредѣленія истинной цѣны вещей. Гармонія и дисгармонія, совершенство и несовершенство оказались-бы условными понятіями нашего ума, которымъ въ самихъ предметахъ опыта ничего не соотвѣтствуетъ, и всѣ мечты объ опредѣленіи истиннаго блага человѣчества, объективнаго значенія прогресса, законовъ красоты, идей добра и зла слѣдовало-бы признать тщетными, такъ какъ всѣ эти идеи, какъ мы увидимъ послѣ, имѣютъ своимъ основаніемъ чувства. Этика и эстетика, направленныя къ построенію идеаловъ объективной гармоніи въ дѣятельности и творчествѣ, оказались-бы *призрачными* теоріями, такъ какъ въ основаніи ихъ лежитъ предположеніе, что есть вещи, поступки и отношенія, которые всѣмъ людямъ не только нравятся, но и *должны* нравиться, — *должны* ихъ удовлетворять и заслуживать ихъ одобренія Неужели это предположеніе невѣрно, неужели задачи этики и эстетики безусловно призрачны и всѣ попытки опредѣленія

объективныхъ идеаловъ добра, красоты и правды — плодъ недоразумѣнія? Нѣтъ-ли скорѣе ошибки въ той психологической теоріи, которая признаетъ чувствованія и чувства совершенно относительными и недостовѣрными критеріями познанія,—въ той теоріи, которая отрицаетъ *всеобщую обязательность сужденій*, въ которыхъ, на основаніи чувствъ, опредѣляется доброкачественность или злокачественность предметовъ и явленій, дѣйствій человѣка и произведеній его духа *)?

Я постараюсь, Мм. Гг., убѣдить васъ въ томъ, что эта психологическая теорія невѣрна,—что при извѣстной переработкѣ чувствованій нашимъ сознаніемъ, они пріобрѣтаютъ значеніе не только важной, но и вполнѣ необходимой, достовѣрной и всеобщей основы познанія внутренней стороны вещей, ихъ внутренняго существа или субъекта,—степени гармоніи и дисгармоніи въ ихъ природѣ. На почвѣ такой переработки матеріала своихъ чувствованій и чувствъ человѣческій духъ творитъ *искусство*, построяетъ общіе *принципы* нравственной дѣятельности и обязательные *идеалы* личной и общественной жизни.

Оправданію этихъ положеній и будетъ посвященъ мой сегодняшній рефератъ.

I.

Чтобы показать вамъ наглядно, Мм. Гг., почему я считаю взглядъ на чувство какъ на относительное и не-

*) Мы должны замѣтить, что и сами раздѣляли прежде эту теорію. См. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. СП. 1880.

достовѣрное начало познанія и дѣятельности неправильнымъ, я укажу вамъ пока только на одинъ несомнѣнный психологическій фактъ, который и спеціалистами-учеными и философами очень часто упускается изъ виду или ложно истолковывается. На вопросъ: откуда мы черпаемъ увѣренность въ достовѣрности понятій нашего ума о вещахъ міра и о законахъ его, обыкновенно отвѣчаютъ: изъ *опыта*. Но изъ какого опыта? отвѣчаютъ: *внѣшняго* опыта, основаннаго на ощущеніяхъ. Значитъ, всѣ ощущенія внѣшнія достовѣрны? Конечно нѣтъ: въ области ощущеній возможны ошибки, иллюзіи. „Но, говорятъ намъ, умъ провѣряетъ ощущенія и извлекаетъ изъ нихъ общее, истинное". По поводу этого утвержденія я задамъ вопросъ: какимъ же образомъ умъ нашъ узнаетъ, что общее въ ощущеніяхъ истинно? Вѣдь воспріятіе вращенія солнца вокругъ земли тоже общее всѣмъ людямъ воспріятіе, а оно не истинно — „Умъ, объясняютъ намъ, сличаетъ частныя воспріятія съ составленными имъ общими представленіями и понятіями о вещахъ и такимъ образомъ судитъ объ истинности этихъ воспріятій". Допустимъ это. Но какъ умъ нашъ пріобрѣлъ увѣренность въ истинности своихъ общихъ представленій и понятій?

На этотъ вопросъ намъ отвѣчаютъ: „умъ убѣдился въ ихъ истинности, напримѣръ въ истинности основныхъ аксіомъ знанія изъ того, что эти понятія оказались соотвѣтствующими или согласными съ его собственными законами". Но какъ мы узнали объ этомъ соотвѣтствіи или согласіи нашихъ представленій или понятій съ законами нашего ума? На этотъ вопросъ или совсѣмъ не

отвѣчаютъ, ибо вовсе не задаютъ себѣ его,—или же отвѣчаютъ весьма туманно. Говорятъ, напримѣръ, что „это соотвѣтствіе усматривается непосредственно". Но въ какой-же формѣ, въ формѣ какого душевнаго состоянія это соотвѣтствіе нами непосредственно сознается? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ формѣ *чувства* соотвѣтствія или согласія, то-есть *умственной гармоніи*. Что́ значитъ соотвѣтствіе? Всякое соотвѣтствіе означаетъ субъективно равновѣсіе или гармонію извѣстнаго рода. Всякая гармонія познается чувствомъ, испытывается нами какъ *чувство* гармоніи, какъ пріятное чувство удовлетворенія. Всякое несоотвѣтствіе, дисгармонія,—напримѣръ, между нашими представленіями и законами ума,—испытывается въ формѣ чувства дисгармоніи, непріятнаго чувства противорѣчія, доходящаго иногда до степени страданія. Благодаря этимъ интеллектуальнымъ чувствамъ согласія и противорѣчія, законъ согласія или тождества, и законъ противорѣчія становятся основными законами мысли

Отсюда ясно, что послѣдніе критерій истины и лжи лежатъ въ *чувствахъ* истины и лжи.

Теперь вообразимъ, что эти умственныя чувства истины и лжи совершенно относительны, индивидуальны, зависятъ отъ личности и личнаго настроенія. Тогда конечно никакое твердое, достовѣрное знаніе даже для науки не было-бы возможно. Но къ счастію это предположеніе о полной относительности чувствъ истины и лжи не оправдывается фактами. Мы всѣ испытываемъ съ необходимостью и постоянствомъ, недоступными никакимъ колебаніямъ, чувство истины или умственной гармоніи по поводу положенія $2 \times 2 = 4$. цѣлое больше

части, тѣло протяженно, и другихъ подобныхъ, или напр. по поводу умозаключенія, что если A=B, а B=C, то и A=C, а также, что если всѣ тѣла протяженны, а эфиръ есть тѣло, то и эфиръ имѣетъ протяженіе, и т. д.

Если-же на судьбу достовѣрности въ наукѣ имѣютъ вліяніе достовѣрныя интеллектуальныя чувства удовольствія и неудовольствія, то что́ же рѣшаетъ судьбу искусства, какъ всѣмъ одинаково понятнаго и въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ всѣмъ людямъ извѣстнаго развитія равно сочувственнаго или несочувственнаго художественнаго творчества? Откуда мы знаемъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ великіе поэты, что Моцартъ и Бетховенъ первоклассные музыканты, что Рафаэль одинъ изъ лучшихъ живописцевъ? Не индивидуальны-же и относительны такія сужденія,—а между тѣмъ они основаны на различныхъ чувствахъ гармоніи или красоты, которыя мы испытываемъ при дѣйствіи на насъ произведеній этихъ геніевъ.

Итакъ для насъ, людей, вообще возможны *чувства общія*, *достовѣрныя*, имѣющія такую-же степень *необходимости и обязательности*, какими обладаютъ понятія нашего ума *).

Разсмотримъ теперь, откуда и какъ образуются эти обязательныя чувства и какая сторона вещей необходимо и достовѣрно въ нихъ открывается.

---

*) Замѣтимъ здѣсь, что вѣдь и понятія ума не абсолютно всеобщи и необходимы, такъ какъ для убѣжденія въ ихъ необходимости и достовѣрности нужно также извѣстное развитіе ума (логическое, въ параллель эстетическому, на почвѣ котораго возникаетъ общеобязательность извѣстныхъ эстетическихъ оцѣнокъ).

II.

Прежде всего мы должны однако точнѣе опредѣлить, что́ такое само *чувство*, какъ объективный психологическій фактъ.

Сидя въ этой залѣ, вы всѣ, милостивые государи, испытываете непрерывно рядъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ ощущеній, которыя знакомятъ васъ со свойствами окружающихъ предметовъ,—ихъ формами, цвѣтами и т. д. Эти ощущенія частію пріятны, частію непріятны, частію, наконецъ, безразличны. Это значитъ, что по поводу нихъ въ вашемъ сознаніи возникаютъ новыя состоянія, а именно чувствованія удовольствія и неудовольствія, или же прямо страданія; иногда-же эти чувствованія такъ слабы и мимолетны, что вы ихъ не сознаеге и вамъ кажется, что свойства предметовъ безразличны.

Такимъ образомъ воспріятіе міра сознаніемъ человѣка происходитъ въ двоякой формѣ,—въ формѣ *ощущеній*, которыя выражаютъ свойства, качества вещей, и въ формѣ возникающихъ въ связи съ ними *чувствованій* удовольствія и страданія, которыя на первый взглядъ тоже выражаютъ качества предметовъ, но не внѣшнія, а внутреннія,—а именно ихъ достоинства и недостатки, степени ихъ совершенства и несовершенства.

Теперь представьте себѣ другое положеніе: ученый математикъ читаетъ ученое сочиненіе по своей спеціальности, переполненное отвлеченными терминами и сложными формулами. Онъ тоже воспринимаетъ нѣко-

торый объектъ міра при помощи ряда зрительныхъ ощущеній, но эти ощущенія только условные знаки сложныхъ представленій и отвлеченныхъ понятій, и однакоже воспріятіе этихъ представленій и понятій, составляющихъ переработку ощущеній, также сопровождается чувствами удовольствія и страданія и другими болѣе сложными, напримѣръ радости, если онъ узналъ новый любопытный методъ вычисленія,—унынія, или негодованія, если что-нибудь у автора книги изложено неясно или ошибочно, и т. д. Слѣдовательно, и на высшихъ ступеняхъ развитія, представленія и понятія о вещахъ вызываютъ сложныя чувства удовлетворенія и неудовлетворенія различныхъ формъ, которыя знакомятъ насъ со внутренними, типическими недостатками и достоинствами предметовъ.

Ощущенія и идеи съ одной стороны, чувствованія и чувства, съ другой, представляютъ два первые момента нашего взаимодѣйствія съ міромъ, а именно. способы воспріятія его. По поводу этихъ воспріятій начинается затѣмъ наше активное отношеніе къ міру, наше обратное воздѣйствіе на него, психическій моментъ котораго называется *волевою дѣятельностью*. Но эта волевая дѣятельность имѣетъ также два момента, параллельные ощущеніямъ и идеямъ, чувствованіямъ и чувствамъ.

По поводу чувствованій и чувствъ пріятныхъ и непріятныхъ возникаютъ прежде всего желанія, стремленія—приблизить предметы, или самимъ къ нимъ приблизиться, если они возбуждаютъ удовольствіе, —устранить ихъ, или же самимъ отъ нихъ удалиться, если они причиняютъ страданіе. Стремленія и желанія долго могутъ осга-

ваться стремленіями и желаніями, не переходя въ дѣйствія. Но достигнувъ извѣстной силы и иногда только послѣ борьбы другъ съ другомъ, они переходятъ въ дѣйствія или движенія соотвѣтствующаго имъ типа, осуществляющія данныя желанія. Особый психическій моментъ дѣйствія — это, когда сознаніе осуществляетъ желаніе, давая толчокъ (импульсъ) къ извѣстнымъ движеніямъ Что это особый психическій моментъ. видно изъ того, что мы отличаемъ въ дѣятельности человѣка даже съ нравственной и юридической точекъ зрѣнія поступокъ отъ его побужденія, и признаемъ. напримѣръ, иногда, что хорошему поступку предшествовало дурное желаніе, или наоборотъ, дурному поступку доброе желаніе, такъ что подвергаемъ желанія и самые поступки отдѣльной нравственной оцѣнкѣ. Еслибы дѣйствія наши были только физіологическими процессами въ мышцахъ, то самый терминъ поступка, выражающій идею сознательнаго и намѣреннаго дѣйствія, былъ-бы безсмысленъ. Кромѣ того, есть дѣйствія или движенія чисто психическія (безмышечныя), напримѣръ дѣйствіе мысли, изобрѣтающей слово для новаго понятія,—а между тѣмъ такое дѣйствіе весьма отлично отъ простого желанія изобрѣсти слово.

Дѣйствія наши обыкновенно направлены на тѣ самые предметы опыта, которые, дѣйствуя сами на насъ, вызвали наши воспріятія. Поэтому можно сказать, что въ дѣйствіяхъ нашихъ на предметы мы возвращаемся назадъ къ исходному пункту взаимодѣйствія съ міромъ, т.-е. къ объектамъ, которые его вызвали. Поэтому все психическое взаимодѣйствіе можно назвать психиче-

скимъ кругомъ или *оборотомъ* сознанія и можно сказать, что вся наша душевная дѣятельность состоитъ изъ безконечнаго числа разнообразныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ и различно переплетающихся другъ съ другомъ психическихъ оборотовъ.

Выяснивъ идею психическаго оборота, возвратимся къ вопросу: что́ же такое *чувство*, какъ психологическій фактъ?

Чувство есть, какъ мы видѣли, *второй* моментъ психическаго оборота, какъ единицы взаимодѣйствій сознанія съ міромъ, и притомъ чувство есть особый видъ воспріятія вещей, играющій важную роль въ нашемъ дѣйствіи на вещи, а именно опредѣляющій его направленіе. Чувства опредѣляютъ направленіе желаній, какъ мотивовъ дѣйствія, а такъ какъ всѣ дѣйствія опредѣляются мотивами, то признаніе полной относительности и индивидуальной природы чувствованій и чувствъ было бы признаніемъ полной относительности и неустойчивости желаній и самихъ дѣйствій. На высшихъ ступеняхъ дѣятельности частные мотивы дѣйствій обобщаются въ общіе мотивы или *принципы* дѣйствія, которыя суть сложныя, постоянныя желанія. Если всѣ чувствованія и чувства относительны, субъективны, то и всѣ принципы и цѣли или идеалы дѣятельности относительны и субъективны. Между тѣмъ мы строго отличаемъ личныя и относительныя правила и задачи дѣятельности отъ всеобщихъ и безусловныхъ принциповъ и идеаловъ ея, которые обязательны для всѣхъ людей.

Изъ этихъ соображеній ясно, что вопросъ о томъ, что́ именно и какъ мы познаемъ посредствомъ чувства,

какъ второго момента воспріятія дѣйствительности,—познаемъ ли мы нѣчто совершенно относительное, характеризующее только нашу личность, или также нѣчто независимое отъ личности—внутреннія совершенства и несовершенства вещей,—ясно, говорю я, что вопросъ этотъ весьма важенъ, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ. Въ теоретическомъ онъ важенъ потому, что отъ рѣшенія его зависитъ признаніе или непризнаніе новой обширной области объективныхъ знаній,—знаній истинной внутренней цѣны и значенія вещей и всего міра. Въ практическомъ отношеніи онъ еще важнѣе, ибо въ связи съ нимъ находится вопросъ о возможности установленія твердыхъ объективныхъ началъ дѣятельности человѣка, которыхъ мы всѣ ищемъ, хотя иногда и не знаемъ, какъ и гдѣ ихъ найти.

Прежде, однако, чѣмъ мы перейдемъ къ анализу степени достовѣрности и обязательности чувствованій и чувствъ, какъ орудій познанія міра и критеріевъ дѣятельности человѣка, мы должны коснуться характера достовѣрности и объективности ощущеній и идей.

III.

Не всѣ ощущенія и идеи даютъ намъ истинное знаніе свойствъ и качествъ вещей. Несомнѣнно, что наша индивидуальная организація, наше минутное настроеніе и другія случайныя, а иногда и постоянныя условія существованія личности вліяютъ на неправильность познанія предметовъ и явленій міра посредствомъ ощущеній. Но любопытно, что степень объективности и достовѣрности ощущеній весьма различна.

Ощущенія обыкновенно дѣлятся на *внѣшнія* и *внутреннія*. Внѣшнія ощущенія это тѣ, которыя доставляются органами зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса, обоняніе и нѣкоторыми другими, общими путями, напр. мускульною воспріимчивостью. Внутреннія ощущенія—это, во-первыхъ, ощущенія органовъ нашего тѣла или органическія ощущенія,—вовторыхъ, ощущенія нашихъ психическихъ, душевныхъ процессовъ. Этотъ большой разрядъ ощущеній почти совсѣмъ еще не изслѣдованъ психологіей и часто эти особыя ощущенія психическихъ состояній и дѣйствій отрицаются психологами. Говорятъ, что мы сознаемъ дѣйствія нашего ума, наши волненія, стремленія и такъ далѣе, *непосредственно*. Но это опять все то-же неясное и неточное выраженіе. Всякій знаетъ по опыту, что можно мыслить безсознательно, переживать желанія, страсти и т. д., не отдавая себѣ отчета въ нихъ; но можно также сознавать всѣ эти состоянія и процессы какъ объекты внутренняго опыта. Сознавать что-нибудь какъ объектъ опыта—значитъ ощущать, представлять, понимать. Представленія и понятія о нашихъ душевныхъ состояніяхъ никѣмъ не отрицаются, а всѣ представленія слагаются изъ ощущеній. Если-бы не было ощущеній психическихъ состояній, то невозможно было-бы наблюденіе и изученіе психической жизни путемъ внутренняго опыта *).

Таковы разряды нашихъ ощущеній. Самыя смутныя, субъективныя и индивидуальныя—это ощущенія орга-

*) Объ умственныхъ или интеллектуальныхъ ощущеніяхъ и ихъ роли въ процессѣ мышленія мы говорили подробнѣе въ соч. „Къ вопросу о реформѣ логики" (1882), Глава III, особ. стр. 145—150

ническія. Мы ощущаемъ свойства нашихъ органовъ весьма неопредѣленно, только въ формѣ мѣста, гдѣ они находятся и иногда ихъ объема и вѣса. Менѣе смутны, но все-таки очень субъективны и относительны нѣкоторыя внѣшнія ощущенія, напримѣръ, ощущенія вкуса, обонянія, температуры. Поэтому память вкусовъ и запаховъ очень слаба и вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ и обоняніе считаются весьма относительными, недостовѣрными показателями свойствъ вещей, такъ что наука пользуется ими только какъ второстепенными признаками при описаніи явленій и изслѣдованіи законовъ природы. Еще менѣе относительны, но все-таки довольно субъективны ощущенія мускульныя и осязательныя. Поэтому и ими наука пользуется осмотрительно, и при опредѣленіи, напримѣръ, объема и вѣса вещей переводитъ, при помощи мѣръ и вѣсовъ, осязательныя и мускульныя ощущенія на зрительныя.

Изъ ощущеній внѣшнихъ всего объективнѣе и достовѣрнѣе ощущенія слуховыя и зрительныя. Поэтому на нихъ главнымъ образомъ и основано все достовѣрное знаніе свойствъ вещей и всѣ научныя изслѣдованія явленій внѣшней дѣйствительности. Не менѣе достовѣрны и объективны, хотя еще мало разработаны наукой, наши ощущенія психическихъ состояній и движеній. Что они не менѣе достовѣрны, ясно изъ того, что всѣ представленія и понятія *отношеніи* между явленіями внѣшняго опыта на нихъ основаны. Такъ, напримѣръ, понятія о равенствѣ, различіи, смежности, послѣдовательности, причинной связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ вещей основаны на ощущеніяхъ психическихъ дѣйствій

различенія, отождествленія, послѣдовательнаго сочетанія воспріятій, и т. д.

Такимъ образомъ наши ощущенія имѣютъ различную степень объективности и достовѣрности, какъ показатели свойствъ вещей. Но и самыя объективныя и достовѣрныя все-же относительны и носятъ на себѣ отчасти субъективный отпечатокъ. Во первыхъ, возможны зрительныя и слуховыя иллюзіи и галлюцинаціи, то-есть ошибки зрѣнія и слуха. Во вторыхъ, на природу ощущеній вліяетъ наша психическая организація. Давно дознано, сначала философами, потомъ учеными, что цвѣтовъ и звуковъ на самомъ дѣлѣ въ мірѣ нѣтъ, а есть разнообразныя движенія свѣтового эѳира, воздуха и т. д., производящія ощущенія цвѣтовъ и звуковъ; оттого еще древнѣйшіе философы Греціи говорили, что ощущенія насъ обманываютъ, что они—недостовѣрные показатели существующаго. Ясно, стало быть, что субъективность ощущеній зависитъ вовсе не отъ примѣси чувствованій и чувствъ, которыя съ ними сочетаются, а отъ индивидуальныхъ, личныхъ и общихъ условій душевной организаціи, которыя, какъ мы увидимъ ниже, являются въ свою очередь источникомъ субъективности и для нашихъ чувствованій и чувствъ.

Какимъ-же путемъ ощущенія, заключая въ себѣ нѣкоторый объективный элементъ, отражая въ себѣ лишь отчасти свойства вещей міра, перерабатываются въ достовѣрныя представленія и понятія о вещахъ, которыя даютъ въ результатѣ объективное знаніе, науку? Для этого очевидно необходимо очистить ихъ отъ случайныхъ, индивидуальныхъ примѣсей. По мнѣнію

извѣстнаго психолога Вундта (Logik, I, стр. 378—385) этотъ процессъ проходитъ слѣдующія ступени: мы должны убѣдиться, что *для насъ самихъ* данное ощущеніе неустранимо, что оно согласно со всѣми прочими *нашими* воспріятіями и съ воспріятіями *другихъ* людей, что источникъ его лежитъ *въ объектѣ*, а не только въ свойствахъ и законахъ нашего сознанія,—и наконецъ слѣдуетъ *логическимъ путемъ* убѣдить себя и другихъ, что иное объективное объясненіе нашего воспріятія, кромѣ принятаго нами, невозможно. Только этимъ послѣднимъ путемъ мы и убѣждаемся, напримѣръ, что воспріятіе движенія солнца вокругъ земли ошибочно,—такъ какъ оно и для насъ неустранимо и для другихъ неизбѣжно, а также не противорѣчитъ прочимъ нашимъ воспріятіямъ и причина его не можетъ лежать только въ сознаніи (этою причиной и оказывается, послѣ логической переработки воспріятія, объективный фактъ движенія нашей земли), зато *логически* первоначальное толкованіе его не оправдывается и замѣняется инымъ толкованіемъ.

Таковъ сложный путь переработки ощущеній и воспріятій въ объективно-вѣрные показатели свойствъ предметовъ, явленій и процессовъ въ мірѣ. А затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе сложная работа ума съ цѣлью методическаго обобщенія воспріятій въ представленія, и этихъ послѣднихъ въ понятія и системы понятій. Вся эта работа ума подчинена объективнымъ законамъ мышленія или логическимъ законамъ. Такимъ образомъ, ощущенія наши становятся орудіями и элементами научно-достовѣрнаго познанія только послѣ весьма сложнаго очищенія ихъ ото всего относительнаго въ лабораторіи нашего ума.

IV.

Посмотримъ теперь, замѣчаются ли тѣ-же разнообразныя ступени относительности, общности и достовѣрности въ *чувствованіяхъ* удовольствія и страданія, и доступны ли и они той-же системѣ переработки сознаніемъ?

Первое несомнѣнно, ибо органическія удовольствія и страданія по поводу процессовъ въ нашемъ тѣлѣ почти безусловно относительны и являются весьма слабымъ критеріемъ при опредѣленіи доброкачественности внутреннихъ процессовъ. Иногда весьма непріятныя органическія чувствованія сопровождаютъ весьма несущественныя нарушенія внутренняго равновѣсія органовъ, напримѣръ, боль членовъ при усталости,—въ другихъ случаяхъ весьма тяжелыя нарушенія этого равновѣсія, напримѣръ при перерожденіи тканей мозга, совершаются безболѣзненно. Поэтому хорошіе врачи мало соображаются съ болями, а тѣмъ менѣе съ пріятными чувствованіями своихъ пацієнтовъ и принимаютъ ихъ во вниманіе только какъ второстепенный признакъ при діагнозѣ болѣзненныхъ процессовъ и при установленіи системы леченія.

Менѣе относительны чувствованія, сопровождающія ощущенія вкуса и обонянія. Дурные, непріятные вкусы и запахи указываютъ часто на объективную недоброкачественность пищевыхъ продуктовъ или другихъ предметовъ, съ которыми мы входимъ въ соприкосновеніе. Съ другой стороны, пріятные вкусы и ароматы указы-

вают на какія-то, часто весьма объективныя достоинства предметовъ; иначе нельзя было-бы объяснить, почему ароматы извѣстныхъ цвѣтовъ: ландыша, фіалки, розы, резеды почти всѣмъ людямъ пріятны. Конечно и тутъ примѣшиваются въ значительной долѣ личные и вообще внутренніе элементы; но вѣдь они присутствуютъ, какъ мы видѣли, и во всѣхъ ощущеніяхъ. Однако вліяніе личнаго вкуса, возраста, пола, привычки еще настолько сильно отражается на чувствованіяхъ удовольствія и страданія въ области вкуса и обонянія, что судить о дѣйствительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ вещей *только* по этимъ чувствованіямъ было-бы неосмотрительно. Поэтому и искусства, комбинирующія ароматы и вкусы—низшія искусства, имѣющія отчасти субъективную цѣну.

Болѣе объективны пріятныя и непріятныя чувствованія, сопровождающія осязаніе и мускульныя ощущенія; поэтому показанія ихъ принимаются въ соображеніе въ объективныхъ искусствахъ — въ скульптурѣ и архитектурѣ, — въ обработкѣ поверхностей скульптурныхъ произведеній и въ установленіи размѣровъ колоннъ и другихъ частей при постройкахъ. Значеніе идеи тяжести (обобщенной изъ мускульныхъ ощущеній) въ *зодчествѣ* по своёму прекрасно выяснилъ Шопенгауеръ (Міръ какъ воля и представленіе, § 43).

Всего объективнѣе, однако, чувствованія удовольствія и страданія, сопровождающія наши зрительныя и слуховыя ощущенія. Поэтому эти чувствованія и лежатъ главнымъ образомъ въ основѣ эстетической оцѣнки объективной красоты и безобразія въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства. Всѣ высшія искусства такъ или

иначе дѣйствуютъ на глазъ, а именно скульптура, архитектура, живопись, или же на слухъ—музыка, поэзія, или на тѣ и другіе органы совмѣстно, какъ напримѣръ, драматическое искусство,—причемъ конечно сюда присоединяется еще высшая оцѣнка этихъ произведеній, основанная на интеллектуальныхъ, нравственныхъ и тѣхъ особыхъ эстетическихъ чувствахъ, посредствомъ которыхъ мы оцѣниваемъ внутреннюю гармонію или дисгармонію въ воспроизведеніи существеннаго содержанія (идеи) предметовъ и явленій художникомъ.

Фактъ существованія этой высшей оцѣнки и ведетъ насъ теперь въ область наиболѣе объективныхъ и достовѣрныхъ чувствованій удовольствія и страданія, которыя сопровождаютъ наши интеллектуальныя ощущенія и ощущенія нашихъ волненій или эмоцій, нашихъ стремленій и дѣйствій. Мы уже показали выше, что объективная достовѣрность въ наукѣ основана отчасти на чувствахъ истины и лжи, или умственной гармоніи и дисгармоніи. Само собою, что эти общія и весьма сложныя чувства вырабатываются изъ цѣлаго ряда элементарныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія, сопровождающихъ отдѣльные, простѣйшіе умственные акты различенія, отождествленія, соединенія и раздѣленія ощущеній. Слѣдовательно, чувства истины и лжи черпаютъ свою объективность въ элементарныхъ интеллектуальныхъ чувствованіяхъ удовольствія и страданія.

Тѣ-же элементарныя интеллектуальныя чувствованія несомнѣнно играютъ большую роль и въ эстетической оцѣнкѣ, въ оцѣнкѣ гармоніи и дисгармоніи или красоты и уродливости художественныхъ образовъ и типовъ,

такъ какъ чувства художественной правды и лжи, вліяющія на сужденія о красотѣ художественныхъ образовъ, въ значительной мѣрѣ слагаются изъ оцѣнки соотвѣтствія другъ другу и дѣйствительности понятій и представленій, выраженныхъ художникомъ. Но, кромѣ того, въ эстетической оцѣнкѣ играютъ большую роль еще и другія психическія чувствованія удовольствія и страданія, сопровождающія наши волненія и волевые акты, связанные съ созерцаніемъ природы и произведеній искусства. Напримѣръ, если мы чувствуемъ болѣзненно слишкомъ большое напряженіе психической энергіи вслѣдствіе очень быстрой смѣны или интенсивности волненій, испытываемыхъ при созерцаніи картины или слушаніи музыкальной пьесы, то это чувство страданія, слагающееся изъ ряда элементарныхъ чувствованій, заставляетъ насъ признать произведеніе нехудожественнымъ. Точно также слишкомъ медленный темпъ чувствъ, вызываемыхъ произведеніемъ музыканта или драматическаго писателя, порождаетъ чувство неудовлетворенности, и оттого можетъ быть Нибелунги Вагнера производятъ въ общемъ нехудожественное впечатлѣніе.

Но еще болѣе яркій обращикъ объективныхъ и достовѣрныхъ чувствованій удовольствія и страданія, сопровождающихъ наши волненія и волевые акты, мы имѣемъ въ чувствованіяхъ, которыя ложатся въ основаніе нравственной оцѣнки явленій. Это — элементарныя чувствованія, изъ которыхъ образуются чувства любви и гнѣва, страха и надежды, силы и безсилія, на почвѣ которыхъ современемъ развиваются сложныя нравственныя чувства одобренія и неодобренія, любви къ ближ-

нему и состраданія, чувство долга, и др. под., а также и безнравственныя чувства себялюбія, злобы и пр. Если возможна объективная нравственная оцѣнка, если есть люди и дѣйствія добрые и злые, честные и безчестные—независимо отъ индивидуальныхъ и условныхъ взглядовъ отдѣльныхъ личностей,—то наше знаніе о нихъ главнымъ образомъ опирается на упомянутыя объективныя чувствованія, сопровождающія наши душевныя движенія. Если многіе люди испытываютъ любовь къ извѣстному лицу, то это даетъ право думать, что его внутреннее существо представляетъ нѣкоторую объективную гармонію или совершенство. Если всѣ или многіе люди, не сговариваясь, кого-либо ненавидятъ, презираютъ или боятся, то есть основаніе полагать, что во внутреннемъ существѣ этого лица, въ организаціи его воли есть объективные недостатки, есть несомнѣнная порочность. Тѣ-же заключенія мы дѣлаемъ и объ отдѣльныхъ поступкахъ людей, опредѣляя цѣну этихъ послѣднихъ по всеобщности симпатій и антипатій, ими вызываемыхъ. Но такъ какъ и масса современниковъ можетъ ошибаться, то мы болѣе полагаемся на единодушіе въ чувствахъ разнообразнаго по составу потомства, и приговоры, пріобрѣтаемые на этой почвѣ, называются объективнымъ судомъ исторіи.

Итакъ, Мм. Гг., параллелизмъ ощущеній и чувствованій, съ точки зрѣнія степени ихъ объективности и достовѣрности, нами достаточно оправданъ.

Какъ стоитъ теперь дѣло съ обработкой чувствованій и чувствъ? Подобно тому какъ ощущенія перерабатываются нашимъ сознаніемъ въ идеи, такъ элементарныя чувствованія перерабатываются въ чувства общія

и отвлеченныя; какъ въ области идей различаются болѣе конкретные продукты—представленія, имѣющія объектомъ отдѣльные предметы и явленія, отъ болѣе отвлеченныхъ и общихъ, а именно понятій, выражающихъ типическія свойства, классы и законы вещей и явленій, такъ точно и въ области чувствъ есть болѣе конкретныя и болѣе отвлеченныя — есть чувства, оцѣнивающія достоинства и недостатки отдѣльныхъ предметовъ и явленій, напримѣръ чувства любви и ненависти, страха и надежды, и есть чувства, оцѣнивающія недостатки и достоинства классовъ, видовъ предметовъ явленій, напр., чувства красоты, истины, добра. Не даромъ въ древности Платонъ настаивалъ на существованіи высшей отвлеченной любви (Эроса) къ красотѣ, добру, какъ общимъ міровымъ началамъ. Можетъ-быть и нравственное чувство долга, на которомъ Кантъ построилъ свой категорическій императивъ долга, есть не что̀ иное какъ отвлеченное ото всѣхъ конкретныхъ условій чувство абсолютной гармоніи воли въ природѣ, которое мы иногда испытываемъ, когда возвышаемся до сознанія въ себѣ воли, какъ мірового начала.

Изъ сказаннаго вытекаетъ съ большою вѣроятностью, что чувствованія проходятъ въ своемъ развитіи тѣ-же ступени, какъ и ощущенія, что ступени развитія чувствъ и идей параллельны.

Теперь посмотримъ, доступны ли чувствованія такой же системѣ повѣрки, какъ и ощущенія. Конечно чувствованія можно какъ и ощущенія провѣрять съ точки зрѣнія ихъ неустранимости; поэтому, напр., мы неоднократно подносимъ розу къ органу обонянія, чтобъ

узнать степень ея благоуханія. Можно также сравнивать чувствованія съ точки зрѣнія ихъ согласія и соотвѣтствія другъ другу; поэтому, желая опредѣлить цѣну предмета, мы стараемся убѣдиться въ его пріятности не только для зрѣнія, но и для другихъ чувствъ, напримѣръ, если предметъ пріятенъ съ виду, мы невольно стремимся узнать, пріятенъ ли его вкусъ или тонъ. Можно, далѣе, сличать чувствованія наши съ чувствованіями другихъ людей, и это мы всѣ постоянно дѣлаемъ, дѣлясь между собою впечатлѣніями удовольствія и неудовольствія, которыя вызываютъ въ насъ вещи и люди, и исправляя этимъ путемъ сужденія объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Еще далѣе: ничто не мѣшаетъ намъ и въ чувствахъ устранять сознаніемъ элементъ личный и субъективный, стараясь разграничивать то, что принадлежитъ въ нихъ объективнымъ фактамъ, отъ того что надо приписать нашему вкусу и субъективной организаціи. Этимъ путемъ и вырабатываются, напримѣръ, наши эстетическія сужденія о красотѣ предметовъ и наши нравственныя сужденія о достоинствахъ людей

Наконецъ, для пріобрѣтенія полной увѣренности въ объективномъ достоинствѣ или доброкачественности вещей и явленій мы стараемся логически обосновать и оправдать наши чувства, сличая и провѣряя другъ другомъ всю систему нашихъ чувствъ и вырабатывая, путемъ отвлеченія ихъ основныхъ признаковъ, высшіе принципы и идеалы, то-есть общія нормы и правила оцѣнки вещей и дѣятельности человѣка. Эта работа есть уже конечно дѣятельность ума въ обширномъ смыслѣ слова, всецѣло подчиненная

логическимъ законамъ, законамъ разсудка. Но въ основѣ ея есть особый элементъ творчества, который едва-ли можно отнести на долю чистаго разсудка. Поэтому-то Кантъ отличалъ творческую силу разума отъ болѣе или менѣе механической силы разсудка и рядомъ съ этимъ противополагалъ разумъ теоретическій разуму практическому и силѣ сужденія. Но для него всѣ формы разума были чисто субъективными силами. Для насъ онѣ объективны. Практическій разумъ и сила сужденія Канта съ нашей точки зрѣнія и суть тѣ функціи ума, которыя познаютъ, помощью чувства, истинныя достоинства и недостатки вещей и вырабатываютъ въ связи съ этимъ высшія объективныя цѣли или идеалы, и отвлеченные принципы дѣятельности человѣка. Въ этихъ отправленіяхъ разума безъ сомнѣнія участвуетъ творчество. чтобы правильно познать красоту и добро въ мірѣ, мы должны сами достигнуть извѣстной внутренней гармоніи чувствъ и душевной высоты т. е. пересоздать себя. Воля играетъ огромную роль въ этомъ процессѣ: подъемъ ея и упадокъ чутко отражаются на конечныхъ результатахъ оцѣнки.

По поводу этихъ соображеній о переработкѣ матеріала чувствъ разумомъ возникаетъ однако вопросъ: не есть-ли всетаки объективность чувствъ, какъ критеріевъ знанія и дѣятельности, продуктъ все той-же работы *ума*, которая даетъ объективный характеръ нашимъ представленіямъ и понятіямъ? Тогда оказалось-бы, что мы должны сдѣлать только небольшую поправку въ обыкновенной теоріи достовѣрнаго познанія, а именно признать, что, рядомъ съ ощущеніями, и чувствованія наши подлежатъ

умственной, логической переработкѣ, т. е. превращенію въ идеи, и что то, что мы называли до сихъ поръ чувствами, ничто иное какъ идеи чувствованій? Но это предположеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ невѣрно: чувства и идеи чувствъ не одно и то-же, и значеніе чувствъ въ познаніи можетъ быть троякое. Во первомъ, чувствованія развиваются, очищаются отъ индивидуальныхъ и случайныхъ примѣсей и обобщаются въ чувства, сами по себѣ, независимо отъ понятій, и такимъ образомъ являются средствами непосредственной правильной оцѣнки значенія вещей, ихъ достоинствъ и недостатковъ. Этотъ процессъ составляетъ основу художественнаго творчества и онъ-же лежитъ въ основаніи всякаго нравственнаго развитія человѣка, независимо отъ понятій и теорій. Это процессъ *ирраціональный* и *интуитивный*, подчиненный особымъ законамъ, которые иногда выражались въ понятіи „логики чувствъ“, отдѣльной отъ логики ума. Что такой процессъ свойственъ человѣческому духу, никто не станетъ отрицать, ибо никто никогда не былъ въ состояніи свести къ логическимъ законамъ процессъ творчества и переложить въ цѣпь понятій ту таинственную работу духа, которая заставляетъ человѣка, независимо отъ разсудочной дѣятельности, вѣрно схватывать смыслъ вещей, намѣренія природы, характеры людей, т. е. все то, что напр. воспроизводитъ въ своихъ твореніяхъ художественный геній. Только въ *чувствѣ* можно найти разгадку этого таинственнаго процесса: чувство пополняетъ пробѣлы въ дѣйствительности, руководитъ различеніемъ существеннаго отъ несущественнаго и направляетъ художника въ процессѣ возсозданія воображеніемъ

природы и типовъ всѣхъ вещей и существъ. Напримѣръ, чувство красоты даетъ возможность скульптору угадать правильное соотношеніе частей тѣла и очертаній мышцъ при созданіи типа атлета; чувство гармоніи руководитъ музыкантомъ въ процессѣ комбинированія звуковъ для наиболѣе полнаго и вѣрнаго изображенія страсти; чувства (а не понятія) должны дать поэту средства правдиваго начертанія душевныхъ состояній, поступковъ и характеровъ людей и если онъ попытается замѣнить работу чувства работою ума,—интуитивный процессъ творчества (воображенія) процессомъ логическаго построенія, — то онъ будетъ наказанъ: его произведеніе выйдетъ „разсудочнымъ, холоднымъ, лживымъ". Оттого *правда художественнаго постиженія дѣйствительности* путемъ чувствъ эмпирически всегда противуполагается *разсудочной истинности научнаго знанія дѣйствительности*, которое пріобрѣтается посредствомъ понятій*). Эта противуположность давно сознана всѣми людьми, но психологическая теорія не дала ей пока объясненія, такъ какъ не обращала вниманія на творческую силу объективнаго чувства и на роль чувства въ познаваніи существующаго. Интуитивное или ирраціональное познаніе чувствомъ можно назвать *постиженіемъ*, въ противоположность раціональному познанію умомъ, которое выражается терминомъ *пониманія*.

---

*) Мы конечно не отрицаемъ и значенія понятій въ художественномъ творчествѣ, какъ и вліянія чувствъ въ научномъ изученіи, а говоримъ лишь о *руководящихъ* началахъ и *господствующихъ* факторахъ того и другого. Ср. выше, стр. 19.

Но затѣмъ возможно еще двоякое употребленіе чувства для цѣлей познанія. Чувства могутъ, во вторыхъ, стать сами предмегомъ объективнаго изученія ума. Они могутъ быть ощущаемы, представляемы и понимаемы. Такимъ образомъ чувства логически перерабатываются въ понятія и это открываетъ намъ новую область познанія, которое есть по самому объекгу своему прежде всего *сомопознание*; но если мы будемъ изучать чувства въ понятіяхъ не какъ простые психологическіе факты, а въ ихъ соотношеніи съ объективными условіями, которыя ихъ порождаютъ, съ объективнымъ содержаніемъ, которое они выражаютъ, т. е. какъ показатели объективныхъ отношеній гармоній и дисгармоніи, то получимъ возможность построить такія понятія чувствъ, которыя станутъ *регулятивными принципами* нашего отношенія къ дѣйствительности, сознательными *идеалами*, нашей дѣятельности въ ея отношеніи къ объектамъ. На этой почвѣ и выростаетъ тотъ видъ раціональнаго познанія, которое изучаетъ не данныя отношенія явленій (какъ это дѣлаетъ наука), а то, что *должно быть*, тѣ *цѣли*, къ которымъ все стремится, и идеалы, которые осуществляются и должны быть осуществляемы. Такое познаніе *цѣлей*, *должнаго*, *обязательнаго* раціонально и научно, такъ какъ оно основано на понятіяхъ, и въ то же время интуитивно и ирраціонально, такъ какъ понятія имѣютъ объектомъ готовое ирраціональное содержаніе чувствъ. Поэтому въ немъ сложно переплетаются элементы творчества и усвоенія. Усвоиваемое сначала творится. Таково именно то познаніе, которое называется *философскимъ*, а поскольку оно раціонально—

метафизическимъ. Поэтому философія не есть только наука, а есть прежде всего внутренній процессъ субъективнаго роста человѣка, процессъ творчесгва, ирраціональное развитіе чувства и воли—очищеніе ихъ отъ индивидуальныхъ и случайныхъ элементовъ,—а затѣмъ уже самосознаніе перелагаетъ результаты этой внутренней работы въ понятія и строитъ раціонально систему идеаловъ и принциповъ. Такова работа ума при построеніи всѣхъ теорій искусствъ и въ частности теоріи разумной дѣятельности человѣка на пути къ идеаламъ истины, добра и красоты. Поэтому логика, этика и эстетика суть отдѣлы философіи, а не чистой науки. Метафизика же, старающаяся перевести въ понятія схваченные чувствомъ высшіе идеалы и цѣли, внутренній смыслъ и цѣну творчества самой природы, есть общая основа и общій методъ философіи и всѣхъ философскихъ теорій: безъ нея невозможны ни логика, ни этика, ни эстетика, ибо понять вполнѣ творческія цѣли нашего духа нельзя внѣ связи съ творческою работою природы.

Итакъ второе значеніе чувства въ познаніи сводится къ тому, что чувства служатъ главнымъ матеріаломъ для извѣстной новой логической работы ума.

Но есть еще одна возможность: какъ чувства могутъ стать объектомъ и содержаніемъ понятій, такъ въ свою очередь, въ третьихъ, есть возможность обратнаго выраженія содержанія понятій въ терминахъ чувства. Понятія могутъ быть оцѣниваемы чувствомъ въ ихъ отношеніяхъ, и раціональное познаніе можетъ стать объектомъ ирраціональной переработки. Понятія науки не охватываютъ всей дѣйствительности и потребность пол-

ноты постиженія міра должна привести къ новому акту творчества на почвѣ чувства. Этотъ *вторичный высшій родъ ирраціональнаго* познанія противуположенъ только что указанному *вторичному типу раціональнаго познанія*: у послѣдняго основа ирраціональная, а у перваго наоборотъ основа раціональная—знаніе міра въ понятіяхъ. Мы думаемъ, что вторичное ирраціональное познаніе выражается всего лучше понятіями *мистическаго*, *религіознаго* постиженія дѣйствительности. Его отличительныя особенности выражаются въ понятіи *вѣры*, которая всегда дополняетъ и завершаетъ знаніе.

Такимъ образомъ, если чувство можетъ служить достовѣрнымъ источникомъ познанія дѣйствительности, то кромѣ общепризнаннаго достовѣрнаго познанія ея путемъ переработки ощущеній въ понятія (*наука*), возможно еще троякое достовѣрное познаніе — путемъ переработки чувствованій въ чувства (*художественное* постиженіе дѣйствительности),—путемъ переработки матеріала чувствъ въ понятія (познаваніе цѣлей и должнаго въ *философіи*),—путемъ переработки матеріала идей въ чувства (высшее *мистическое* постиженіе міровыхъ началъ и смысла мірового процесса). Конечно степень достовѣрности результатовъ познанія во всѣхъ четырехъ случаяхъ будетъ зависѣть отъ соблюденія одного и того же условія, а именно—устраненія изъ матеріала ощущеній и чувствованій, при переработкѣ ихъ въ идеи и чувства, всего индивидуальнаго, личнаго, случайнаго, и суммированія общаго, устойчиваго, постояннаго и необходимаго, — того, что неустранимо изъ сознанія, т. е. изъ понятій и чувствъ всѣхъ людей.

Разсмотрѣвъ кратко процессы переработки ощущеній и чувствованій въ идеи и чувства, какъ высшіе достовѣрные способы воспріятія дѣйствительности, мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросахъ: какія стороны дѣйствительности мы познаемъ посредствомъ чувствованій и чувствъ, и насколько объективность и достовѣрность чувства согласна съ природой или психическою организаціей человѣка.

V.

Припомнимъ прежде всего ту основную истину, что человѣческому сознанію вообще самыя вещи непосредственно недоступны. Человѣкъ въ сущности познаетъ только свои собственныя состоянія или перемѣны въ своемъ сознаніи. Онъ познаетъ все существующее какою-то внутреннею психическою энергіей, называемою сознаніемъ и отдѣленною отъ міра толстою корой физическихъ аппаратовъ органовъ тѣла. Слѣдовательно, если объективно-достовѣрное знаніе для него возможно, то только въ силу какой-то гармоніи между его сознаніемъ или состояніями его психической силы и фактами объективными, то-есть гармоніи между мыслью и бытіемъ, которую Лейбницъ называлъ „предустановленною гармоніей“ и которую мы выразимъ въ понятіи *единства или однообразія всѣхъ законовъ природы—законовъ бытія и сознанія*. Эту гармонію или однообразіе нельзя пока доказать какъ истину несомнѣнную, но нельзя не признать ее въ высшей степени вѣроятною. Сама вѣра въ

нее есть одинъ изъ основныхъ законовъ сознанія человѣка.

Памятуя указанную только-что высшую или конечную субъективность всякаго знанія, спросимъ себя теперь, въ чемъ и насколько оно *объективно*. Нѣтъ объекта безъ субъекта, говорилъ Шопенгауэръ, ибо всякій предметъ есть только объектъ представленій субъекта; но можно сказать и наоборотъ, что нѣтъ и субъекта безъ объекта, ибо познавать, чувствовать, желать, хотѣть мы не можемъ безъ объекта, даже въ самыхъ глубокихъ внутреннихъ процессахъ своихъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли изъ анализа природы психическихъ ощущеній, субъектъ самъ себя дѣлаетъ объектомъ познанія и дѣйствія; отсюда ясно, что различіе и противоположность объекта и субъекта *относительны*. Въ каждомъ живомъ существѣ, которое я познаю какъ объектъ,— напримѣръ, въ каждомъ изъ васъ, мм. гг., есть свой особый субъектъ, есть свое „я“, —въ каждомъ животномъ также. Мало того: есть низшій субъектъ въ каждой вещи, ибо въ каждой вещи есть способность какого то, хотя-бы и *механическаго* воспріятія впечатлѣній среды и противодѣйствія имъ тою внутреннею энергіею, которая составляетъ основу ея бытія.

Объективныя проявленія субъектовъ вещей мы познаемъ посредствомъ ощущеній; но какъ мы познаемъ природу субъекта нашего и другихъ существъ и вещей? Чувствованія удовольствія и страданія, какъ мы сейчасъ убѣдимся, и суть элементарныя воспріятія нашего субъекта и субъекта вещей. Если вѣрно, что ощущенія можно назвать выраженіями познаваемыхъ нами отно-

шеній объектовъ къ нашему субъекту, безъ доли участія котораго они никогда не обходятся, то въ свою очередь чувствованія можно назвать воспріятіями отношеній нашего субъекта, нашего „я“, къ вещамъ. Не даромъ съ физіологической точки зрѣнія чувствованія признаны продуктами оцѣнки отношеній между запасомъ нашей психической или физической энергіи и ея тратой во взаимодѣйствіи съ предметомъ. Если трата эта превышаетъ или не достигаетъ величины свободной энергіи органа, то наступаетъ неудовольствіе, страданіе, — если-же она увеличивается или уменьшается, сообразно величинѣ этой энергіи, то мы испытываемъ удовольствіе, наслажденіе. Слѣдовательно, ближайшимъ образомъ мы познаемъ въ чувствованіяхъ состоянія нашей собственной внутренней энергіи, нашего субъекта, отношенія его къ объективнымъ впечатлѣніямъ.

Но только-ли это дано въ чувствованіяхъ? Мы уже видѣли, что обыкновенно чувствованія кажутся намъ оцѣнкой достоинствъ и недостатковъ вещей, ихъ внутренняго значенія. Какимъ же образомъ возможно оцѣнивать въ чувствованіяхъ гармонію и дисгармонію вещей, то-есть именно внутреннее соотношеніе *ихъ* силъ, свойства *ихъ* субъекта, если въ концѣ концовъ чувствованія опредѣляютъ величину энергіи нашего собственнаго субъекта и степень правильности ея расходованія?

Тутъ-то мы и подступаемъ къ самому интересному и трудному вопросу: *такъ ли относителенъ и индивидуаленъ нашъ субъектъ*, то-есть наша психическая энергія, какъ это обыкновенно думаютъ?

Во-первыхъ, а priori позволительно замѣтить, что если ощущенія наши суть воспріятія отношеній вещей къ субъекту и если, какъ это несомнѣнно, субъектъ нашъ участвуетъ въ построеніи всѣхъ ощущеній предметовъ и ихъ свойствъ, то признаніе полной относительности нашего субъекта было-бы признаніемъ и полной относительности ощущеній. Если знаменатель дроби или отношенія двухъ чиселъ есть величина абсолютно перемѣнная, то, при равенствѣ числителей, и самыя дроби всегда были бы различны и относительны. Ощущенія могутъ быть постоянны и объективны только при постоянствѣ и объективности субъекта.

Во-вторыхъ, если мы можемъ изучать субъектъ нашъ объективно, научно, то-есть изучать общіе законы субъекта, или внутренней психической энергіи, какъ мы и дѣлаемъ это въ психологіи, то значитъ субъектъ нашъ, кромѣ индивидуальныхъ, относительныхъ свойствъ, имѣетъ свойства общія, природу безотносительную.

Въ третьихъ, кто доказалъ что психическая энергія наша въ ея запасахъ есть величина совершенно относительная? Несомнѣнно, есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ она относительна,—напримѣръ величина энергій отдѣльныхъ, особенно низшихъ органовъ. Запасы энергіи, въ нихъ скопленные, крайне ограничены, и мы быстро переходимъ отъ удовольствій, свидѣтельствующихъ о достаточности ея, къ страданіямъ, которыя указываютъ на ея истощеніе. Но кромѣ этихъ мѣстныхъ, спеціальныхъ энергій, которыя ограничены и дѣлаютъ столь относительными наши органическія чувствованія, а также отчасти чувствованія, сопровождающія вкусы, запахи

и проч., есть еще другія, мѣстныя же, но менѣе ограниченныя энергіи, напримѣръ энергіи органовъ зрѣнія и слуха. Вслѣдствіе этого, мы очень долго и объективно можемъ наслаждаться созерцаніемъ картинъ на выставкахъ и въ галлереяхъ, или слушаніемъ музыкальнаго исполненія въ концертахъ. Если мы допустимъ, что въ упомянутыхъ органахъ зрѣнія и слуха запасы энергій настолько велики, а траты ихъ, зависящія отъ устройства органовъ, настолько малы, что отношенія тѣхъ и другихъ количественно болѣе или менѣе постоянны, — а такое допущеніе отчасти подтверждается анатоміей и физіологіей этихъ органовъ,—то тогда станетъ понятно, почему въ этихъ сферахъ воспріимчивости чувствованія удовольствія, неудовольствія и страданія являются не столько показателями *величины* траты энергіи въ отношеніи къ ея накопленію, сколько качества или характера, или *способа* этой траты. Поэтому-то, напримѣръ, дурная картина или дурная музыкальная піеса часто менѣе утомляютъ вниманіе и органы чувства, чѣмъ хорошая картина и піеса, а между тѣмъ причиняютъ неудовольствіе. Такъ какъ *способъ* траты энергіи зависитъ всегда отъ постоянныхъ и объективныхъ законовъ общей психофизической организаціи и отъ внутреннихъ свойствъ воспринимаемаго предмета, то понятно, что посредствомъ чувствованій удовольствія и страданія въ области зрѣнія и слуха мы должны познавать гармонію и дисгармонію въ самихъ вещахъ, въ распредѣленіи ихъ энергій, то-есть качества *ихъ* субъекта. Употребляя уже разъ предложенное сравненіе, можно сказать, что если знаменатель дробей, выражающій законы органи-

зацiи, будетъ величиной постоянною, то свойства дробей или отношенiй будутъ служить показателями измѣненiй числителей, то-есть внутреннихъ свойствъ вещей, вліяющихъ на способы траты психической энергiи. Но можно сдѣлать и другое уподобленіе. если человѣкъ, имѣющій милліоны, будетъ тратить рубли на покупку вещей, то оцѣнка ихъ достоинства нисколько не будетъ зависѣть отъ расхода, имъ сдѣланнаго, а исключительно отъ объективнаго сравненія ихъ качествъ другъ съ другомъ.

Далѣе, однако, не надо забывать, что всѣ мѣстныя, специфическія энергiи нашихъ периферическихъ органовъ суть только выдѣленія общей внутренней психической энергiи субъекта,—ея проценты. Самый капиталъ этой послѣдней настолько великъ, что въ расходованіи его на внутреннюю мозговую дѣятельность величина траты, которая еще до нельзя уменьшается отъ устроиства аппарата, то-есть мозга, такъ ничтожна, что тутъ уже объ относительной, ограниченной, индивидуальной оцѣнкѣ не можетъ быть и рѣчи. Капиталъ нашей общей жизненной энергiи настолько великъ, что мы безопасно можемъ дѣлать изъ него даже весьма значительные внутренніе займы, не испытывая никакихъ страданій. Это все равно, какъ государство можетъ дѣлать при большомъ количествѣ богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ земли его, большіе внутренніе займы, не подвергаясь бѣдствіямъ разоренія. Всякое объективное творчество нашего ума и есть трата общей психической энергiи, не подчиненная закону относительности и индивидуальной ограниченности, какія замѣчаются въ расходованіи

нѣкоторыхъ мѣстныхъ энергій. Общій капиталъ нашей психической энергіи, этотъ глубочайшій корень нашей жизни, и есть то, что̀ мы называемъ сознаніемъ, субъектомъ, душою человѣка и что̀ масса человѣчества признаетъ неистощимымъ, безсмертнымъ началомъ въ человѣкѣ. Насколько онъ неистощимъ, мы теперь не будемъ разсматривать*), но не можемъ не обратить вниманія на тотъ фактъ, что какъ-бы ни были истощены энергіи отдѣльныхъ органовъ, общій запасъ психической энергіи иногда остается настолько великъ, что на счетъ его даже умирающій человѣкъ, при послѣднемъ издыханіи своемъ, можетъ объективно наслаждаться эстетически, нравственно и интеллектуально.

Итакъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что общіе запасы психической энергіи, которые тратятся внутреннею психическою дѣятельностью субъекта, не подлежатъ непосредственной *количественной* оцѣнкѣ въ чувствованіяхъ и что, слѣдовательно, чувствованія удовольствія и страданія и сложныя чувства въ этой области имѣютъ

---

*) Замѣтимъ только, что фактъ общаго душевнаго утомленія и необходимость *сна* еще ничего не говорятъ въ пользу истощимости общаго капитала душевной энергіи, такъ какъ и физіологія объясняетъ явленіе сна накопленіемъ въ мозгу продуктовъ разложенія, которые должны быть устранены для дальнѣйшей психической дѣятельности. Очевидно, стало быть, что нелѣпо было-бы толковать явленіе сна, какъ доказательство *истощенія душевныхъ силъ*, и наивно было-бы думать, что во снѣ *вновь* возстайовляется весь душевный капиталъ человѣка. Тогда непонятны были-бы явленія воспоминанія и непрерывнаго, въ теченіе многихъ дней, мѣсяцевъ и годовъ, художественнаго или иного творчества.

еще менѣе относительный, условный характеръ, еще менѣе зависятъ отъ количества траты и еще болѣе отъ ея качества, чѣмъ въ области зрѣнія и слуха. Этимъ-то и объясняется, Мм. Гг., почему чувства любви и ненависти, страха и надежды и др. под. могутъ, съ извѣстными ограниченіями, служить показателями объективныхъ достоинствъ и недостатковъ вещей и существъ—формъ гармоніи и дисгармоніи ихъ внутренней природы, ихъ воли и вообще ихъ субъекта. Тѣмъ же способомъ объясняются еще болѣе объективныя, по значенію оцѣнки, *чувства эстетическія*, *интеллектуальныя*, *нравственныя и религіозныя*, посредствомъ которыхъ мы познаемъ различные общіе роды объективной гармоніи, объективной цѣны вещей, а именно: 1) степень и законы гармоніи во внутреннемъ существѣ вещей, въ ихъ волѣ или субъектѣ—въ чувствахъ *нравственныхъ*, въ чувствахъ добра и зла, 2) степень гармоніи между этимъ внутреннимъ существомъ или субъектомъ вещей и его воплощеніемъ, его формой—въ чувствахъ *эстетическихъ*, въ чувствахъ красоты и безобразія; 3) степень и законы гармоніи между отдѣльными формами или феноменальными воплощеніями субъектовъ—въ чувствахъ *интеллектуальныхъ*, въ формальныхъ чувствахъ истины и лжи, согласія и противорѣчія, и наконецъ 4) общую гармонію объекта и субъекта, природы и ея воли въ мірѣ—въ чувствахъ *религіозныхъ*. Непосредственно, всѣ эти виды гармоніи мы, конечно, познаемъ въ себѣ самихъ, въ формѣ гармоніи нашей воли, нашего чувства, ума, и сознанія или духа въ его цѣломъ, но по самой природѣ нашего субъекта и его тождеству съ объектомъ, по самому одно-

образію законовъ сознанія и бытія всѣ эти виды гармоніи пріобрѣтаютъ для насъ смыслъ *объективный*, значеніе достовѣрныхъ показателей *объективной гармоніи*. Можетъ-быть кто-нибудь скажетъ, что знаніе объективной гармоніи и ея формъ при помощи чувства не можетъ быть *абсолютно*, ибо мы—люди—не знаемъ, какъ воспринимаютъ эти формы гармоніи другія существа. Но вѣдь и знаніе свойствъ и законовъ вещей посредствомъ ощущеній и идей не абсолютно по той-же причинѣ. Рѣчь идетъ не объ абсолютномъ знаніи, а объ одинаковой степени приближенія къ этому послѣднему—столько-же знаній, даваемыхъ ощущеніями, сколько и знаній, даваемыхъ чувствованіями.

Познавая гармонію, мы въ то-же время созидаемъ ее въ себѣ, посредствомъ упомянутаго выше процесса творчества, и это познаваніе созидаемой нами внутренней гармоніи есть построеніе *принциповъ, идеаловъ*, и вотъ почему познаніе объективной цѣны вещей такъ-же неразлучно съ построеніемъ идеаловъ и принциповъ, какъ неразлучны чувство и воля — эти два наиболѣе чистыя проявленія субъекта. Такимъ образомъ, на почвѣ объективнаго чувства, какъ формы познанія вещей, созидается и объективная воля, руководимая объективными, *общеобязательными* идеалами и принципами. Оттого и возможна *логика*, какъ объективная теорія искусства *познанія*, — *этика*, какъ объективная теорія искусства *хотѣнія*, — *эстетика*, какъ объективная теорія искусства *чувствованія*. Самое существованіе этихъ теорій искусствъ является уже показателемъ объективнаго и всеобщаго характера гармоніи,

которую они стремятся установить въ дѣятельности субъекта. Вѣдь самое стремленіе построить этику, т.-е. сводъ нравственныхъ принциповъ, есть уже нравственное стремленіе. Поэтому логика есть проявленіе объективнаго чувства и принципа истины, этика — объективнаго чувства и принципа добра, эстетика — объективнаго чувства и принципа красоты, насколько эти принципы уже безсознательно содержатся въ высшихъ чувствахъ, до которыхъ доработался нашъ субъектъ внутреннимъ процессомъ творчества, независимымъ отъ понятій.

Такимъ образомъ, отвѣчая на поставленные выше вопросы, мы въ правѣ сказать, что чувствованія и чувства даютъ намъ возможность болѣе или менѣе объективно познавать различныя формы и степени гармоніи или совершенства въ отношеніяхъ субъектовъ и объективныхъ проявленій ихъ въ мірѣ и въ насъ самихъ. Это познаніе нисколько не противорѣчитъ нашей организаціи, потому что кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта въ каждомъ изъ насъ есть субъектъ общій, постоянный, міровой, подчиненный въ своемъ дѣйствіи и въ своихъ отношеніяхъ въ міру законамъ постояннымъ и объективнымъ.

VI.

Чтобы дать законченность настоящему разсужденію, мнѣ остается обратить вниманіе ваше еще на одно обстоятельство. Нашъ общій, единый со всѣмъ міромъ субъектъ, который познаетъ міръ въ себѣ и себя въ мірѣ,

имѣетъ и свое *общее* краснорѣчивое воплощеніе въ томъ великомъ, глубоко объективномъ чувствѣ, которое мы называемъ *любовью*, этомъ принципѣ мірового единства и всеобщаго союза существъ и вещей.

Правда, мы сливаемся въ единый міровой субъектъ и въ другихъ чувствахъ, когда поклоняемся всѣ вмѣстѣ красотѣ, истинѣ и добру,—когда мы увлечены общимъ чувствомъ упоенія предъ иною картиной природы или художника, или при звукахъ чудной музыки, — когда мы приходимъ въ единодушное изумленіе и восторгъ при новомъ великомъ открытіи науки, знанія,— когда мы преклоняемся въ общемъ умиленіи предъ добрымъ, безкорыстнымъ поступкомъ. Но всѣ эти формы сліянія людей въ объективныхъ чувствахъ только потому и возможны, что всѣ упомянутыя спеціальныя чувства добра, истины, красоты, суть формы одного высшаго и наиболѣе объективнаго чувства — *любви*, любви другъ къ другу и къ міру, любви къ гармоніи вообще, — любви къ Богу, какъ говорилъ Спиноза. Въ этомъ чувствѣ высшаго Эроса, какъ его называлъ Платонъ, исчезаетъ различіе субъекта и объекта, ибо оно само есть воплощеніе высшей объективной гармоніи и имѣетъ объектомъ высшую гармонію міра. Когда мы испытываемъ другъ къ другу это чувство, въ насъ пульсируетъ одинъ и тотъ же міровой субъектъ, стремящійся слиться воедино—тотъ самый, который нашелъ себѣ воплощеніе и въ природѣ и въ насъ, и который, познавая міръ, узнаетъ себя въ немъ. Такова именно основа и сущность состраданія, по мнѣнію Шопенгауэра. Но состраданіе есть только одна изъ формъ любви,

и Шопенгауэръ напрасно отрицалъ нашу способность радоваться вмѣстѣ съ міромъ. Если-бы этимъ мыслителемъ не руководило одностороннее, мрачное настроеніе уединившагося отъ міра отшельника, то онъ понялъ бы, что субъектъ міра, его воля, на основаніи безпристрастнаго психологическаго анализа, представляется не злою, а доброю волей, — что воля въ основѣ своей и есть любовь какъ объективное стремленіе, основанное на объективномъ чувствѣ, и что злая воля есть воля извращенная, есть нарушеніе закона міровой гармоніи въ субъектѣ.

Я кончилъ, Мм. Гг., и если мнѣ, можетъ-быть, по недостатку времени и личному неумѣнью, не удалось показать вамъ всѣ широкія приложенія ученія объ объективности чувства въ области науки, искусства, философіи и религіи, то по крайней мѣрѣ, надѣюсь, мнѣ удалось въ достаточной мѣрѣ выяснить, что обратное ученіе о полной относительности и субъективности чувства есть печальный предразсудокъ, странное недоразумѣніе. Вы спросите: но какъ могъ такой предразсудокъ образоваться именно въ наше передовое, научное время, особенно если принять во вниманіе, что психологія существуетъ болѣе 2000 лѣтъ, а наука достигла столь значительнаго развитія? Отвѣчать на это не трудно: человѣчество медленно дѣлаетъ свои завоеванія на пути къ истинѣ. Сто лѣтъ тому назадъ Кантъ первый далъ въ психологіи особое право гражданства чувству, на ряду съ умомъ и волей. Съ тѣхъ поръ психологіей чувствованій занимались много, но научная разработка этихъ явленій душевной жизни

началась лишь въ самыя послѣднія десятилѣтія, и въ трудѣ о чувствованіяхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ случай показать, какъ ничтожны были до сихъ поръ результаты этой научной разработки явленій чувства.

Я не думаю, чтобы и мнѣ въ настоящемъ разсужденіи удалось сколько-нибудь исчерпать вопросъ о значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, но мнѣ кажется, что на томъ пути, который здѣсь намѣченъ, возможна новая, болѣе плодотворная разработка вопроса, чѣмъ на почвѣ стараго взгляда на чувство, какъ на безусловно субъективную сторону душевной жизни человѣка. Вспомнимъ прекрасное замѣчаніе Фр. А. Ланге въ послѣдней главѣ его „Исторіи матеріализма“ „Одно только можетъ привести человѣчество къ постоянному миру, именно, когда будетъ познана непреходящая природа всякаго творчества въ искусствѣ, въ религіи и философіи, и когда, на основаніи этого познанія, распря между изслѣдованіемъ и творчествомъ будетъ навсегда примирена. Тогда будетъ найдена и многообразная гармонія истиннаго, добраго и прекраснаго...“ Я лично твердо убѣжденъ, что эти высокія мечты осуществятся лишь тогда, когда психологія выяснитъ истинное непреходящее значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, и когда человѣчество перестанетъ раболѣпствовать передъ умомъ, какъ единственнымъ надежнымъ руководителемъ жизни. Умъ столь-же *субъективенъ* (въ извѣстномъ значеніи этого слова), какъ и чувство,—чувство не менѣе *объективно* (въ другомъ значеніи), чѣмъ умъ или разсудокъ чело-

вѣка. Все наше познаніе субъективно, такъ какъ нѣтъ объекта (или предмета познанія) безъ субъекта, воспринимающаго все существующее по законамъ внутренней своей организаціи, въ формахъ, свойственныхъ нашему сознанію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякое познаніе и творчество объективно, ибо объекты налагаютъ свою печать на всѣ воспріятія и дѣйствія субъекта, не говоря о томъ, что самъ субъектъ подчиненъ въ своемъ существованіи и дѣятельности законамъ объективнымъ. т. е. общимъ и необходимымъ. Задача всякаго познанія и творчества состоитъ не въ томъ, чтобы устранить изъ воспріятій субъективное, которое не устранимо и не отдѣлимо отъ объективнаго, а лишь въ томъ, чтобы устранить относительное, индивидуальное, случайное какъ въ субъективныхъ, такъ и въ объективныхъ элементахъ воспріятій. И тогда останется и въ понятіяхъ и въ чувствахъ общее, *непреходящее*, для всѣхъ людей обязательное.

Н. Я. Гротъ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

А. Козловъ: „Философскіе этюды". Критическій очеркъ. Кіевъ. 1877.
Сновидѣнія какъ предметъ научнаго анализа. Кіевъ 1878.
Essai s. les principes d'une nouvelle classification des sentiments. Paris. 1878. (Rev. Philos.).
Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. СП. 1880. Ц. 3 р. 50 к.
Философія, какъ вѣтвь искусства. СП. 1880. (Мысль.).
По поводу вопроса о психологіи чувствованія. СП. 1880. (В. Евр.).
Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Кіевъ. 1881.
Къ вопросу о реформѣ логики. Леипц. 1882. Ц. 2 р. 50. к.
Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству. Кіевъ. 1883. (Заря).
Къ вопросу о критеріяхъ истины. СП. 1883. (Р. Бог.) и Изъ міра науки: Загадки знанія. Кіевъ. 1883. (Заря).
Опытъ новаго опредѣленія понятія прогрессъ. Одесса. 1883. (Од. Л.).
Прогрессъ и наука. Од. 1884. (Од. Л.).
Къ вопросу о свободѣ воли. Од. 1884. (Од. Л.).
Еще къ вопросу о свободѣ воли. СП. 1884. (Р. Бог.).
О субъективизмѣ въ соціологіи и Еще нѣсколько соображеній о задачахъ соціологіи Од. 1884. (Од. В.).
О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Од. 1884. (Зап. Нов. Унив).
Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи. СП. 1884. (Р. Бог.).
Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла и науки. СП. 1884. (Новь).
Къ вопросу о классификаціи наукъ. СП. 1884. (Р. Бог.).
Джіордано Бруно и пантеизмъ. Одесса. 1885. (Зап. Нов. Ун).Ц. 1 р.
Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно. Од. 1885.
О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Одесса. 1885. (Зап. Од. Юрид. Общ.). Ц. 40 к.
О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса. 1886 Ц. 70 к.
Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи. Москва. 1886. (Русск. Мысль).
О направленіи и задачахъ моей философіи. Отвѣтъ архіепископу Никанору. Москва. 1886. (Прав. Обозр.)
Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія М. 1887.
О значеніи философіи Шопенгауера. Москва. 1888. (Труды Моск. Псих. Общ).
По поводу вопроса о задачахъ искусства. Тезисы. Москва 1888.

Цѣна **40** коп.